

Д. М. Головин

5 янв. В „ТОСКА“ 1932 г.

(Крайгосоперный)

Самара. Саратовск. комсом.

Поздний «вэрист» (реалист западного мелкобуржуазного направления в оперном театре), Пуччини создал ряд опер, пользующихся большой популярностью на оперной сцене. Этой популярностью оперы Пуччини обязаны его огромному мастерству построения зрелища, использования законов сцены, знания психологии современного ему оперного зрителя (мелкобуржуазная интеллигенция и художественная ее прослойка по преимуществу), наконец, исключительный мелодизм его музыки и удачное использование оркестровой звучности.

В отличие от большинства опер Пуччини, разрабатывающих темы, близкие к тогдашней итальянской современности, «Тоска» берет сюжет из эпохи великой французской революции — точнее ее отражения в Италии времен консульства. Сладкавый мелодраматический сюжет старого перевода поднял в переделке последних лет — оперу до уровня политической мелодрамы.

Персонажи «революционного» лагеря при этом даны в плане «свободомыслящих» и потому безразлично-настроивших представителей художественной среды.

«Тоска» — это вторая гастроль Д. М. Головина. В этой опере, однако, Головин не смог показать всего того блеска, каким отличалось его выступление в «Риголетто» 31 декабря. Партия Скарпиа не дает материала для полного выявления редких вокальных качеств этого певца. Эта баритональная партия требует более фундаментального голоса, более «басового» тембра.

Разнообразный и гибкий в «Риголетто». Головин в «Тоске» был особенно вначале мало выразителен. Лишь к концу 2-го акта и в сцене смерти этот большой актер овладел вниманием зрителя до конца.

По своим голосовым и сценическим качествам (большой силы и красоты, мягкий и выразительный голос, прекрасная дикция и подача фразы, такт и естественность в условной обстановке оперного спектакля), — должны, думается, быть лучше выявлены в таких операх как «Севильский Цирюльщик» и «Евгений Онегин».

Следует подчеркнуть, что опера «Тоска» на этот раз исполнялась полностью в новом, очень удачном по сравнению со старым, тексте.

Все следы сладкавой религиозности, даже тра в плане католического мистицизма в сцене убийства Скарпиа Тоскою — исчезли в том исполнении, которое дали Головин, Петрусенко (Тоска) и Москаленко (Кавардосси).

Это лишает постановку того нелепого эклектизма, которым она страдала до сих пор, когда одни исполнители пели в новом, другие в старом тексте.